

Исторические, внутринаучные и социальные факторы научного лидерства исламской психологии

Ю.Ю. Джуад^{1а}

¹Институт гуманитарных наук Московского городского педагогического университета,
г. Москва, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0524-1084>, e-mail: the_besti@mail.ru

Резюме: Актуальность статьи определяется необходимостью рефлексии ученого над наукой, ее историей и факторами, которые меняют ее облик. Наука и общество сегодня настолько тесно связаны, что бытие одного диалектически определяет бытие другого. С одной стороны, общество формирует запрос, на который дает ответ наука, а наука, в свою очередь, чутко улавливает любые изменения в обществе, иногда даже предвосхищает их. Цель данной статьи – анализ феномена научного лидерства исламской психологии, которое является результатом взаимосвязи и взаимовлияния исторических, внутринаучных и социальных факторов. Достижению поставленной цели подчинены задачи, связанные с рассмотрением основных этапов эволюции психологической проблематики в контексте истории западной и исламской интеллектуальных традиций, обзор и анализ внутринаучных и социальных факторов лидерства исламской психологии как отрасли современной психологической науки.

Материалом для написания статьи послужили теоретические первоисточники и аналитические научные публикации по истории, философии и методологии науки в целом, а также по психологии и исламской психологии как ее отрасли. Общий диалектический подход позволил рассмотреть проблему научного лидерства исламской психологии в единстве исторического и логического, представить в системе историю развития психологической проблематики во взаимовлиянии внутринаучных факторов (смена критериев научности, дифференциация и интеграция наук, методологический плюрализм, экстернализм и др.) и социальных (массовизация культуры, виртуализация общественных отношений, глобализация и др.). Компаративный анализ дал возможность сопоставить историческое и современное взаимодействие исламской и западной интеллектуальных традиций в поле психологической проблематики.

Проведение данного исследования позволило не только увидеть причины научного лидерства и рост популярности исламской психологии, но и проанализировать влияние

Джуад Ю.Ю.
Исторические, внутринаучные и социальные факторы...
Minbar. Islamic Studies. 2022;15(4):966-998

этих тенденций на изменение образа современной науки, ее парадигмы, актуализирующей психологические исследования и практики в области религии и духовности на основе методологических принципов мультикультурализма и постсекуляризма.

Ключевые слова: наука; психология; история науки; философия науки; исламская психология; современная наука; западная наука; методология

Для цитирования: Джуад Ю.Ю. Исторические, внутринаучные и социальные факторы научного лидерства исламской психологии. *Minbar. Islamic Studies. 2022;15(4):966-998*. DOI: 10.31162/2618-9569-2022-15-4-966-998

Historical, Intra-scientific and Social Factors of the Scientific Leadership in Islamic Psychology

Iu.Iu. Dzhuad^{1a}

¹*Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University, Moscow, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0524-1084>, e-mail: the_besti@mail.ru

Abstract: The relevance of the article is determined by the scientist's need to reflect on science, its history and factors that change its appearance. Science and society today are so closely connected that the existence of one dialectically determines the existence of the other. On the one hand, the society creates a request, to which the science gives its answer, and the science sensitively captures any changes in the society, sometimes even anticipates them. The purpose of this article is to analyze the phenomenon of scientific leadership in Islamic Psychology as a branch of modern Psychological Science, which is the result of the relationship and mutual influence of historical, intra-scientific and social factors. The achievement of this goal is determined by the objectives where the first is to observe the main stages of psychological problems evolution in the context of the history of Western and Islamic intellectual traditions, and the second is to review and analyze of intra-scientific and social factors of leadership in Islamic Psychology as a branch of modern Psychological Science.

The material for writing the article was the theoretical primary sources and analytical scientific publications on the history, philosophy and methodology of science in general, as well as in the field of Psychology and Islamic Psychology as its branch. The general dialectical approach made it possible to consider the problem of the scientific leadership of Islamic Psychology in both historical and logical angles, and to present the history of the development of psychological problems in the mutual influence of intra-scientific (the change of scientific criteria, differentiation and integration of sciences, methodological pluralism, externalism, etc.) and social factors (dissemination of popular culture, virtualization of public relations, globalization, etc.) as a system. Comparative analysis made it possible to collate the historical

and modern interaction of Islamic and Western intellectual traditions in the field of psychological problems.

This study disclosed not only the reasons for scientific leadership and the growing popularity of Islamic Psychology, but also the influence of these trends on changing the image of modern science, its paradigm, which actualizes psychological research and practice in the field of religion and spirituality based on the methodological principles of multiculturalism and post-secularism.

Keywords: science; Psychology; History of Science; Philosophy of Science; Islamic Psychology; Modern science; Western science; methodology

For citation: Dzhud Iu.Iu. Historical, Intra-scientific and Social Factors of the Scientific Leadership in Islamic Psychology. *Minbar. Islamic Studies.* 2022;15(4):966–998. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2022-15-4-966-998

Введение

Столетие назад наука как сложный комплекс знания, деятельности и социальных институтов в своем развитии вышла за пределы «невидимого колледжа» и перестала быть уделом узкого круга интеллектуалов. Наука превратилась в непосредственную производительную силу общества, важнейший фактор экономики, срослась с властными структурами, получила правовое оформление. Профессиональная деятельность ученых вовлекает в свою орбиту значительный человеческий ресурс, а результаты этой деятельности становятся не только объектами массового тиражирования в материальном и духовном плане, но и предметом общественных дискуссий о пользе и вреде, прогрессе и угрозе научных достижений для будущего человечества. В XX веке эти дискуссии касались в большей степени ядерной и атомной физики, химических и биологических технологий. В первые десятилетия XXI века в пространство общественной дискуссии сциентистов и антисциентистов попадают и науки социогуманитарного профиля, прежде всего дисциплины психологического комплекса. Проблема статуса научности психологии достаточно быстро перетекла в обсуждение возможностей и гуманности некоторых ее методов, программ и практик, в частности, таких как нейролингвистическое программирование и др. Цифровизация и виртуализация реальности остро ставят проблему конкуренции научной и популярной психологии, усиливая накал общественных дискуссий. Процессы глобализации, а также тенденции, оформляющиеся внутри научного комплекса, приводят к появлению, казалось бы, неожиданных и немислимых еще несколько десятилетий на-

зад феноменов объединения столь разных видов познания – науки и религии, благодаря которым, в частности, появились такие отрасли психологии, как христианская, иудейская и исламская психология. На примере последней можно проследить, как «молодая» научная отрасль преодолевает двойное сопротивление в своем становлении, попадая под огонь критики, с одной стороны, научного сообщества, с другой – сообщества верующих.

Для достижения обозначенной выше цели был проведен исторический и философский анализ генезиса исламской психологии как отрасли психологической науки на всех основных этапах развития западной и восточной (арабо-мусульманской) интеллектуальных традиций; эпистемологический анализ магистральных тенденций развития науки на Западе, таких как смена научной парадигмы, проблема демаркации научного знания, научное лидерство, интернализм и экстернализм как альтернативные модели развития науки, проблема своеобразия и специфики видов науки и видов познания и др.; анализ основных факторов общественного развития, повлиявших на современное состояние исламской психологии как отрасли психологической науки.

История психологических воззрений

Анализ современного состояния и перспектив развития той или иной науки или научной отрасли не может обойтись без исследования пути ее исторического развития. Исламская психология, с одной стороны, отрасль молодая, с другой стороны, уходит корнями в глубь веков и даже тысячелетий. Причины научного лидерства исламской психологии и ее популярности в среде ученых и верующих лежат в двух плоскостях. Первая их них зиждется на священных текстах ислама – Коране и хадисах, а также на достижениях классиков арабо-мусульманской философии и науки, которые до сих пор идейно подпитывают развитие этой научной отрасли. Вторая обусловлена уровнем развития не только современной психологической науки на Западе, но и науки в целом – теми принципами и тенденциями, соответствие которым делает то или иное научное изыскание современным и актуальным. Именно поэтому анализ причин научного лидерства исламской психологии необходимо начать с исторической ретроспективы.

Несмотря на то, что психология как самостоятельная наука начала оформляться на Западе лишь в XIX веке, представления о собственном внутреннем мире сопровождают человека еще с донаучных времен. Обычно истоки «нау-

ки о душе» возводят к древнегреческим философам, хотя античная ученость наследовала «душевную» проблематику из мифологических представлений. Для мифологической картины мира был характерен анимизм – идея всеобщей одушевленности мира: природных процессов и явлений, материальных объектов, растений, животных, и, конечно же, человека. Идея нетленности одухотворяющего начала реализовывалась в практиках анимистических и тотемических ритуалов, нацеленных на установление контакта с непознанным природным миром, на который проецировались уже изведенные человеческие качества. Рудименты мифологического мировоззрения можно до сих пор обнаружить в повседневном общении или художественных метафорических описаниях, где природа или ее отдельные объекты могут «радоваться», «злиться» и принимать пассивное участие в «диалоге» с антропоморфизирующим их человеком. Итак, идеи наличия в мире и человеке нематериального «одушевляющего» начала и возможность воздействовать на него словом и делом наряду с идеей перерождения душ и культивированием практики контактов с душами умерших предков – одни из самых древних представлений человечества, которые впоследствии, в той или иной форме, становятся элементами более развитых религиозных систем, в том числе мировых религий. В последующем анимистические представления перерабатываются и оформляются на теоретическом уровне в интеллектуальной традиции Древнего Востока (прежде всего в буддизме) и Античной Греции [1, с. 458–459], порождая тем самым две линии развития – восточную и западную.

В период ранней античности представления о душе органично вплетаются в проблематику архэ – поисков первоначала мира. В философской идее первоначала мира, с одной стороны, сохраняется элемент донаучного анимистического мировоззрения, а с другой стороны, осуществляется выход на качественно новый уровень осмысления, поскольку, что бы ни принимали за точку отсчета древние мыслители (Фалес – воду, Гераклит – огонь, Анаксимандр – воздух), оно представало уже как умозрительный объект интеллектуального созерцания в большей степени, нежели как материальная природная стихия, подверженная воздействию ритуальных практик [2, с. 69–76, 103, 104, 359–364]. Выдающийся медик античности Гиппократ формулирует актуальный до наших дней тезис «В здоровом теле – здоровый дух» и разрабатывает первую типологию темпераментов: сангвиники, флегматики, меланхолики и холерики.

Классический период открывает исследование проблематики моральных душевных качеств Сократ, в идеях которого на сегодняшний день можно усмотреть истоки моральной психологии. Судя по Диалогам его ученика – Платона, Сократу принадлежат не только постановка вопросов о мужестве, мудрости, доброте, разумности, но и первые попытки дефиниции этих категорий практической философии и психологии морали. Самому же Платону принадлежит метафора души как колесницы, запряженной двумя конями под управлением возницы. Один из коней олицетворяет собой благородные страсти, а второй – низменные страсти, в то время как задача возничего – разума – подчинять их себе, чтобы душа могла продолжать движение вперед, не отклоняясь от курса [3, с. 132–133]. В своем диалоге «Государство» Платон рассуждал о трех составляющих души, доминирование одной из которых предопределяет от рождения судьбу человека, являясь основанием для помещения его в один из трех классов, необходимых для нормального функционирования государства. Те, у кого преобладает вожделеющая душа, попадают в класс крестьян, обладатели в большей степени мужественной души становятся воинами и, наконец, те немногие, у которых доминирует разумная душа, достигают высот управления государством [4, кн. 4]. Будучи идейным наследником своего учителя – Сократа, Платон стремится обосновать божественный характер души и ее принадлежность миру идей – вечному и неизменному в сравнении с телом как ее временным вместилищем в материальном мире. Разумность души предстает у Платона в виде способности познавать истину и быть тем самым основанием нравственных поступков человека. Душа, познавшая добро, никогда не совершит зла – это главная идея сократовско-платоновской концепции единства познания и нравственности, где первое автоматически подразумевает второе.

Ученик Платона Аристотель, великий систематизатор античных знаний и основатель огромного количества различных наук, написал отдельный трактат с названием «О душе» [5, с. 371–448], который позволяет современным историкам психологии возводить к нему основоположение, в том числе и этой науки. В данном трактате, в частности, Аристотель связывает сущность души с понятием движения и, выделяя различные его виды, предлагает свою классификацию душ: растительную (на основе движения как роста), животную (на основе движения, связанного с ощущениями) и собственно человеческую, вбирающую в себя все остальные, но специфичную наличием движе-

ния разума. Более взвешенно решая вопрос о соотношении материального и духовного в бытии, Аристотель говорит о материи и форме как универсальных взаимосвязанных основаниях бытия, что позволяет ему утверждать, в частности, что душа есть форма тела и приводящее его в движение начало, не отрицая, в отличие от своего учителя Платона, возможности существенного влияния состояний тела на душу, предвосхищая тем самым современную теорию психосоматики.

Множество интересных, оригинальных и актуальных для современной психологии идей восходят к воззрениям древнегреческих мудрецов, однако формат и цели данного исследования не позволяют воспроизвести их все. Считаем необходимым кратко остановиться на периоде поздней античности, когда социально-политический кризис и всеобщий упадок нравственности стимулировали философские изыскания в области этики, следствием чего стала разработка трех альтернативных программ морального поведения: стоической, скептической и эпикурейской. Основатели и представители соответствующих философских школ поздней античности большое внимание уделяли вопросу праведной жизни души в условиях социальной нестабильности. Программа скептиков базировалась на тезисе о максимально возможном воздержании от любых слишком сильных эмоций и суждений, вплоть до полного молчания и безразличия. Программа стоиков в своей основе имела идею мужественного принятия ударов судьбы, невозмутимости под натиском невзгод и несчастий. Программа эпикурейцев содержала призыв к душевному наслаждению, под которым сам Эпикур подразумевал отсутствие физической боли и негативных психологических переживаний, а также возможность дружеского общения с подобными себе разумными собеседниками [6, с. 521–527]. В целом, можно сказать, что психологические воззрения античных греков были органичной частью их философских взглядов. Каждый мыслитель пытался теоретически целостно осмыслить взаимосвязь человека и мира, бытия и мышления, результатом чего стало множество научных открытий в области психических процессов: эмоций, мышления и даже бессознательного.

Для становления психологической науки в целом и исламской психологии в частности важное значение имеет разработка в этом периоде той проблематики, которая сохраняет свою актуальность и для современных исследователей: сущность и структура психических процессов и явлений, взаимосвязь и влияние сознательного и бессознательного, рационального и иррационально-

го, веры, разума и морали, проблема гармонии индивидуального внутреннего мира и достижение счастья на уровне общества, выработка путей решения психологических проблем и др. Целостный психосоматический подход, реализуемый античными философами, был воспринят впоследствии классиками арабо-мусульманской традиции и сохраняется как один из наиболее важных принципов в практике исламской психологии до сегодняшнего дня.

При рассмотрении основных этапов эволюции психологических представлений в истории европейской науки, как правило, сразу же после этапа античности переходят либо к современности, либо к Новому времени. Однако ни в какой другой период, кроме следующего за Античностью Средневековья, знания о душе и тематика, связанная с сущностью души и ее задачами в этом мире, не были столь актуальны. Научная мысль этого периода, почти полностью протекавшая на Западе в русле христианской религиозной доктрины, задавала свою логику и в постановке вопросов, и в моделях их решения в рамках этой интеллектуальной парадигмы. Большинство ученых-теологов в периоды средневековой патристики и особенно схоластики на парадигмальном уровне отрицали достижения античной философии как языческой и, следовательно, идеологически противостоящей основоположениям христианской доктрины, а потому совершенно не приемлемой для освещенной божественным светом религиозной учености. Несмотря на это, средневековая мысль не могла полностью избежать влияния Античности, поэтому христианская доктрина, формируемая в ходе Вселенских соборов и оттачиваемая в схоластических прениях средневековых университетов, в той или иной степени отражала ключевые идеи Платона и неоплатоников, системность, логику и методологию Аристотеля, этические воззрения стоиков. В частности, платоновская идея первичности идеального над материальным, души над телом как его «гробницей» в контексте христианской доктрины обострилась до максимального противостояния земного и небесного, телесного и духовного миров. Так, например, в религиозной антропологии Аврелия Августина человек предстает как единство ума, души и сердца [7, кн. 9]. Тело же воспринимается как помеха на пути духовного совершенствования и восхождения души к своему Создателю, что нередко отражалось в соответствующих аскетических практиках по укрощению телесности с целью высвобождения души из ее оков. Несмотря на видимое идейное различие и даже противостояние христианства исламскому подходу к изучению души и тела, нельзя не отметить важность этого наследия

не только для создания пространства дискуссии, в котором способна родиться истина, но и для постановки вопроса о том, какой вклад способна внести религия в изучение проблемы души и выработки практических подходов к работе с психологическими проблемами.

Идея противостояния души и тела с полным нивелированием значения последнего для научного теологического дискурса существенно сузила поле психологических исследований в западной традиции и стала одним из пунктов критики и переосмысления при переходе к следующему этапу развития психологической проблематики – Ренессансу, предполагавшему, в частности, возрождение идеи Гиппократов о психосоматической гармонии. Но прежде чем перейти к обсуждению этого периода, необходимо обратиться к краткому обзору ситуации на средневековом Востоке, а точнее, в арабо-мусульманской интеллектуальной традиции, которая в это время только начала формироваться под влиянием ислама и тоже явилась своеобразной реакцией на европейскую христианскую традицию в осмыслении психологической проблематики. Доктринальные положения ислама существенным образом отличались от христианских по двум значимым для данного обсуждения пунктам: по вопросу соотношения души и тела, а также соотношения науки и религии. Средневековая арабо-мусульманская интеллектуальная традиция в значительно большей степени испытала на себе влияние древнегреческой философии, с которой вступила в добровольный и плодотворный союз в ходе распространения ислама на территории всего Ближнего Востока, Европы и северной Африки. Представители классической арабо-мусульманской учености в парадигмальном отношении были намного ближе эталонам античной мудрости, нежели закостеневающему и изживающему себя схоластическому стилю мышления западных теологов. Поэтому, несмотря на то, что тема сущности души, ее нравственного совершенствования и отношения к телу имеет такое же основополагающее значение для арабо-мусульманских ученых, как и для христианских, трактовка этих концептов в их трудах существенно отличается и наполняется новым содержанием, вызывая к жизни соответствующие религиозно-психологические практики.

Абу-Йусуф аль-Кинди, считающийся основоположником исламской психологической проблематики, в своих трудах выражал открытые симпатии Сократу, рассуждая о достоинствах его практической философии в трактате «Рисаля фи хабар фадылят Сукрат» (Трактат по разъяснению достоинств

Сократа). Но наибольшее значение для развития психологических идей на почве исламской науки имеет его труд под названием «Рисаля фи аль-хийаль ли-даф' аль-ахзан» (Трактат о способах развеивать печаль). В этом трактате излагаются основные положения *ат-тыбб ар-рухани* – медицины духа, в содержании которых явно прослеживается сократовско-платоновская линия параллелизма духовной и нравственной эволюции в рационалистическом ключе [8, с. 6–18].

Абу-Зайду аль-Бальхи – основоположнику психотерапии IX века – принадлежит детальная разработка классификации психических расстройств и негативных состояний и столь же детальные пошаговые алгоритмы решения этих проблем и их профилактики. Интересно, что при обсуждении темы борьбы с гневом в одном из главных своих трактатов «Пища для тела и души» он использует практически аналогичную платоновской метафору – обуздание ретивого скакуна [9].

Наибольшее раскрытие тема взаимосвязи и взаимовлияния души и тела получила в трудах Абу-Насра ибн Мухаммада аль-Фараби, который исследовал и обосновал зависимость человеческих деяний от психологических состояний и в соответствии с этим, как и многие другие его единомышленники, придавал огромное значение совершенствованию нравственных качеств души как единственно возможному пути к достижению счастья человека в обществе [10; 11].

В целом и другие классики периода расцвета арабо-мусульманской учености, бывшие энциклопедистами в науке и при этом людьми верующими, представителями типично восточной культуры и ментальности, такие как Ибн-Сина, ар-Рази, Ибн-Рушд, Ибн-Туфайль и другие, в своих психологических изысканиях синтезировали рационалистическую философскую традицию греков с моральными требованиями и аксиологическими принципами исламской религии, а также с социальными чаяниями коллективистической ментальности. Все они так или иначе говорили о разуме как о спасительной инстанции души и ключе к ее нравственному совершенствованию, которое необходимо для достижения всеобщего счастья в идеальном обществе и государстве.

Вторым, еще более важным коррелятом арабо-мусульманской интеллектуальной традиции, наряду с античной философией, и по сей день является Священный Коран, в аятах которого находят свое толкование концепты:

«нафс» (душа), «рух» (дух), «кальб» (сердце), «‘акль» (разум) и другие понятия, значимые для последующей разработки исламскими учеными в области религиозной психологии. Таким образом, ни в коей мере не отказывая классической арабо-мусульманской мысли в оригинальности, нельзя не отметить важный для будущего развития мировой психологической науки факт: мусульманские ученые спасли от забвения, сохранили и творчески переработали философско-психологические наработки античных мудрецов, чем оказали неоценимую услугу западной науке, представители которой нередко возвращались к истокам своей интеллектуальной традиции именно благодаря изучению трудов восточных мудрецов. Фундаментальные изыскания этих мыслителей в области науки о душе до сегодняшнего дня привлекают внимание не только исламских психологов, но и специалистов, работающих в современной мультикультурной парадигме, отвечающей требованиям глобализующегося мирового сообщества.

Период Ренессанса на Западе запустил процесс постепенной секуляризации научного знания, попытки возвращения к идейным и методологическим ориентирам Античности, но достаточно быстро идея баланса материального и духовного, телесного и душевного вновь начала трансформироваться, и научные интересы сместились к противоположному от религиозности и духовности материалистическому полюсу. В Новое время эта тенденция уже развивалась на полную мощь, увеличивая разрыв не только с религией, но и с философией, носившей на протяжении тысячелетия доминирования христианской культуры статус ее «служанки». Находясь все еще в проблемном поле философии, представители этого периода подчиняли свои интеллектуальные интересы идеалам сциентизма – безусловной и безоговорочной веры в спасительную силу научно-технического прогресса. Усилиями Р. Декарта, Г. Лейбница, И. Ньютона, Дж. Локка и других блистательных ученых была разработана методология, тем самым обеспечено формирование первой самостоятельной науки и соответствующей ей картины мира, а именно физики, точнее механики. Это положило начало феномену научного лидерства, и физика на несколько столетий закрепила за собой статус образцовой, строгой, доказательной науки, сформировала универсальную объясняющую модель мира, на которую ориентировались как на эталон представители других областей естественнонаучного знания.

Несмотря на то, что механическую картину мира достаточно быстро сменила электродинамика, а вслед за ней – квантово-полевая теория, самостоятельность обрели такие науки, как химия и биология, весь этот комплекс наук сформировал так называемый классический эталон научного знания, в котором не находилось места изучению тонких материй, подобных душе. Разрешение противоречия между средневековой религиозностью и нарастающими научными достижениями привело к признанию изучения души ненаучным, поскольку она не подходит под стандарт классического естественнонаучного объекта и не может быть изучена посредством разработанной естествоиспытателями методологии. Вместе с тем, философствующие ученые проявляли огромный интерес к проблематике познания в целом и к детальному изучению его возможностей, уровней, критериев истинности и др., продолжая тем самым традиции, заложенные еще античными греками, но развивая их с учетом новых достижений и открытий в медицине, физиологии и других науках, позволяющих с материальной стороны пролить свет на закономерности познавательного процесса. По большому счету, изучение психического сводилось в этот период к исследованию познавательного, а богатый внутренний мир человеческой духовности – к плоскости его единственной функции в качестве познающего субъекта. При этом рационалистическая, в широком смысле этого слова, парадигма придавала статус объекта научного познания только тем сторонам познавательных процессов, которые поддавались если не экспериментальному исследованию, то хотя бы логической формализации. Так, из сферы научных интересов выпали все субъективные характеристики познающего Я – желания, воля, импульсы, инстинкты, принадлежность к социальным группам, темперамент и др., признаваемые «затемняющими» процесс познания (идолы Ф. Бэкона) [12, с. 18–35], а значит теми, от которых нужно очищать разум познающего субъекта, у которого есть только одно единственное свидетельство достоверности – это само мышление (*cogito ergo sum* Р. Декарта и формирование на его основе «чистой» универсальной методологии [13] достижения научной истины).

Начиная с периода Нового времени на Западе наука, преимущественно в формате естествознания, диктовала логику научных поисков, которые, проходя через серию научных революций [14], в своем внутреннем движении прошли через смену нескольких научных картин мира: от механистиче-

ской через электродинамическую к квантово-полевой и синергетической. За короткий по меркам предшествующей истории промежуток времени внутри самого естествознания созрели предпосылки нового мировидения и изменились стандарты оценки научного знания, которые будут рассмотрены в следующем разделе данного исследования. Пока же следует отметить, что очередным важным рубежом общей периодизации истории науки стал рубеж XIX–XX вв., ознаменовавший переход к современности. Одним из ключевых достижений в этом отношении стало открытие нелинейных процессов и динамических закономерностей, благодаря которым стало понятно, что даже в изучении природы (а тем более человека, его духовности и общественных отношений) не так много однозначно рационального, детерминистически обусловленного и поддающегося универсальным методологическим стратегиям исследования.

Закономерно, что на этом фоне внутри научного комплекса на Западе вызревают и оформляются науки социально-гуманитарного профиля, пионерами среди которых стали социология и психология, базировавшиеся первоначально на естественнонаучной методологии. Социология в лице ее отца-основателя О. Конта – на физике (преимущественно механике), психология – на биологии, выбившейся в лидеры научного знания к этому времени (бихевиористская методология). В контексте сравнения западной и арабо-мусульманской научных традиций парадоксально, что начиная с периода Средневековья исламская психология максимально дистанцировалась от тех принципов, на которых строилась западная наука, и такое положение дел сохранялось вплоть до настоящего времени. Современная же наука ввиду наличия комплекса внутренних и внешних причин, которые будут проанализированы в следующем разделе, стала полем сближения и продуктивного обмена восточной и западной интеллектуальных традиций, исламской и западной психологии. Кроме того, именно с этого периода процессы, происходящие эндогенно внутри научного комплекса, выходят за его пределы в пространство широких общественных отношений, взаимодействий и оценок, в связи с чем необходимо перейти к обсуждению тех факторов, которые привели как внутри самой науки, так и в социальном контексте к научному лидерству психологии в целом и исламской психологии в частности.

Внутринаучные факторы лидерства исламской психологии

Прежде всего следует отметить, что изменение статуса и роли науки в жизни общества на рубеже XIX–XX века привело к интенсификации рефлексии в среде ученых по всему миру, в результате чего сформировался целый ряд отраслей знания о науке – наукометрия, психология науки, социология науки, история науки, эпистемология и др. Аккумулируя эмпирические данные этих отраслей, философия науки выявляет фундаментальные проблемы и тенденции развития научного комплекса, среди которых, в частности: феномен научного лидерства, проблема демаркации научного знания, процессы дифференциации и интеграции наук, изучение науки в системе видов познания, конструирование моделей развития науки в ее истории, проблематика научной методологии и др. Изменения, которые претерпела западная наука по каждому из этих параметров, необходимо раскрыть в ракурсе становления психологии как одной из лидирующих наук современности, сближения исламской и западной психологии.

Феномен научного лидерства в истории науки осмыслял один из крупнейших отечественных ученых В. И. Вернадский, который соотносил лидерство естественного научного корпуса и технических наук с расцветом индустриального общества и предрекал обществу постиндустриальному, основанному, по его мнению, на идее господства человеческого разума и гуманистических идеалов, лидерство социогуманитарного знания [15]. Однако с наукой индустриального периода (Нового времени) дело обстояло значительно проще, так как физика и являлась на тот момент единственной наукой, достигшей такого уровня результативности, который позволил ей на несколько веков прочно занять место научного лидера. О лидерстве в современной сложной и разветвленной сети научных дисциплин судить можно лишь локально, внутри того или иного вида научного познания: естествознания, технических и социально-гуманитарных наук, либо еще более узко – внутри той или иной научной отрасли, например, биологии, психологии и т. п. Учитывая, что и сами маркеры научного лидерства, такие как открытие фундаментальных закономерностей, развитие собственной методологии, формирование картины мира на базе научных достижений и объяснение окружающего мира в понятиях и принципах данной науки, способность быть критерием знания, формировались на базе физики –первого лидера в истории науки, необходимо

уточнить, в каком смысле сегодня мы можем говорить о лидерстве психологии в целом и исламской психологии в частности. Этот вопрос неразрывно связан с другими маркерами лидерства, прежде всего с проблемой демаркации научного знания.

Критерии демаркации научного знания последовательно вырабатывались в период кумулятивного развития науки в ее классический период (Новое время). Ф. Бэкон в качестве основного критерия выдвигал методологизм [12], подразумевая, что наука опирается на некий универсальный алгоритм, руководствуясь которым ученый неизменно приходит к истине. Р. Декарт [13] и Г.В. Лейбниц [16] поддерживали критерий обоснованности, понимая его как требование взвешенного, поступательного движения научной мысли, гарантирующего надежность ее достижений. Обоснованность здесь ориентируется на предписания формальной логики, главными из которых являются непротиворечивость и отсутствие порочного круга в доказательстве. И. Кант [17] добавил к этому перечню такие признаки научности, как всеобщность и необходимость, под которыми он подразумевал справедливость научного знания относительно всех объектов определенного класса при всех видоизменениях определенного процесса. Благодаря Г. Фихте [18] появляется критерий систематичности научных положений. Среди пяти характеристик позитивного знания О. Конт [19] важнейшим считал признак полезности. Интернализм и эмпирическая верифицируемость – основные требования к научному знанию, выдвинутые неопозитивистами [20, с. 37–49]. Анализируя критерии научности в период научного лидерства естествознания, становится понятно, что они справедливы в полной мере лишь для тех наук, на основе которых были сформулированы, притом на определенном уровне их развития в указанный период. Однако впоследствии развитие научного знания показало, что сформированный идеал науки грешил против своей исходной цели – достижения истины, превратившись в замкнутую догматическую систему. Многие из этих критериев в их абсолютизируемом выражении не выдержали проверку временем и совершенно не подходили для зарождающихся социогуманитарных наук или наук смешанного типа, таких, в частности, как психология, объединяющих в себе признаки всех трех видов – естествознания, общественных и технических наук. Многие из них начинали свое самоопределение с противопоставления естественнонаучному эталону знания.

Долгое время инерция, сохраняющаяся внутри западного научного сообщества, не позволяла в принципе признавать за такими областями знания, как психология, статус научности. Лидерство естествознания и до сегодняшнего дня сохраняется в англоязычном научном пространстве, где словом «science» обозначается именно эта группа наук, в то время как для гуманитарных областей используется термин «humanitis». Однако, благодаря развитию психологии и других социогуманитарных наук, а также вследствие кризисов и переосмысления на почве естествознания, в 30-х гг. XX в. в дискуссионном поле философии науки был запущен процесс критики классических критериев демаркации научного знания, в результате которого тезис о фундаментальности ранее выдвинутых признаков научности был опровергнут.

Примирающей стратегией в современной западной науке, охватывающей весь ее дисциплинарный спектр, становится следующая позиция. Характеризуя науку как тип знания сегодня, следует говорить о ее демаркационных критериях не как о раз и навсегда данных абсолютных принципах, а как о признаках, реализующихся скорее в качестве тенденций. Многие из этих «симптомов» не всегда и не до конца проявляются в конкретной науке. Однако для выявления ее специфики важен тот факт, что наука все же постоянно стремится соответствовать этим требованиям, в отличие от других видов знания.

В этом контексте критерии классической науки наполняются новым смыслом. Методологизм вместо единого универсального рецепта предлагает идти по пути максимальной методологической плюрализации. Интернализм преобразуется в стремление получить адекватный образ научного объекта; он направлен прежде всего против научного романтизма и ориентирован на интерессубъективность (возможность трансляции научного знания). Критерий систематичности реализуется как забота о внутренней согласованности положений научного знания. Обоснованность же предлагается понимать как неприятие бездоказательных утверждений и голословной критики.

Смягчение критериев научности благотворно повлияло на расширение и углубление круга научных исследований, включение в него тех отраслей практического и социогуманитарного знания, которые не соответствовали исходному классическому физикалистскому эталону научности, создание междисциплинарных научных отраслей и межвидовых отраслей знания, таких, в частности, как исламская психология, объединяющих несовместимые

в классической системе критериев научности области – науку и религию. Таким образом, концепция критериев научности как тенденций является одной из важных составляющих фундамента, на котором стало возможно объединение западной и исламской психологии. Благодаря тому, что видоизменился сам образ западной науки, стала возможной разработка методологического аппарата в спектре от общенаучных и частнонаучных методов до дисциплинарных и частных методик.

К идее методологического своеобразия социогуманитарных наук общество западных ученых приблизилось благодаря философским разработкам баденских неокантианцев – В. Дильтея и Г. Зиммеля. Выделяя два класса наук – науки о природе и науки о духе, философы открыли дискуссию о принципиально различном характере этих областей знания. Будучи историком культуры и крупным литературоведом своего времени, В. Дильтей отстаивал право на суверенитет наук о человеческой духовности, аргументируя это не только спецификой объекта, но и метода [21]. Отдельный труд философа был посвящен разработке методологии так называемой описательной психологии, в противоположность психологии эмпирической, относимой, по его мнению, к области естествознания [22]. Психологические переживания по В. Дильтею в большой степени иррациональны и лишь в той части доступны пониманию, в какой неоднократно воспроизводятся, позволяя их классифицировать в более или менее устойчивые типы и локально истолковывать, что и составляет суть предлагаемого метода наук о духе. Таким образом, основная заслуга В. Дильтея и баденского неокантианства в целом заключалась в привлечении внимания к вопросу разработки социогуманитарной методологии ввиду несоответствия естественнонаучного инструментария объектной специфике наук о духе.

На почве отечественной науки и философии разработкой основополагающих принципов социогуманитарной методологии занимался М. М. Бахтин, который в основу своей концепции заложил идею диалога [23] познающего с познаваемым субъектом в противоположность однонаправленной монологичности познавательного отношения субъекта к объекту в естествознании. Это позволило легитимировать целый блок методов, без которых не обходится современная психология: беседа, опрос, интервью и др. Среди других важных принципов противопоставления методологии гуманитарных наук естествознанию – понимание в противоположность объяснению, первичность

качественного описания перед количественным исчислением, интерес к индивидуальному и даже уникальному взамен ориентации на общее и повторяющееся и др. [24, с. 84–98]. Что касается содержания этих наук, то оно начало формироваться чуть ранее также на почве немецкой философии как реакция на панлогизм Г. Гегеля. Тенденция иррационализма, зародившаяся еще в XIX и продолжившаяся в XX и XXI вв., в центр научных интересов помещала субъекта уже не как исключительно познающего и разумного, но как носителя воли (А. Шопенгауэр), инстинктов и интуиции (А. Бергсон) и различных проявлений бессознательного (З. Фрейд). Если в идеях А. Шопенгауэра и А. Бергсона, а также в следующих за ними феноменологии и экзистенциализме прослеживается тенденция к психологизации философской проблематики, то в психоанализе З. Фрейда мы видим значительно более редкую встречную тенденцию, когда практическая по сути область психиатрии как медицинского знания дорастает до уровня философской концепции.

Благодаря этим тенденциям западная наука постепенно возвращается к идее своей исходной целостности, которой некогда обладала античная философия. Привлечение внимания исследователей к широкому спектру проявлений внерационального и параллельная разработка методологического аппарата послужили толчком для эмансипации различных познавательных культурных практик, таких как обыденное (практическое) знание, художественное познание и религия. В период доминирования сциентистских установок в Новое время наука (естествознание) считалась эталонным видом познания, единственным путем к истине и методологией достижения Рая на земле. Однако исследовательский интерес в области философии науки, эпистемологии и гносеологии позволил проанализировать «нетрадиционные» области человеческого опыта и выявить в них существенный познавательный потенциал. В XX и XXI вв. в отечественной науке очень популярными стали компаративистские диссертационные работы, посвященные изучению различных видов искусства, религиозных практик и доктрин на предмет их гносеологического своеобразия. Руководящей в методологическом плане идеей всех подобных работ стал принцип методологического анархизма П. Фейерабенда, который утверждал, что любые методы и практики нужно признать правомерными, если они приводят науку к эффективному результату, включая не только искусство и религию, но и мифологию, магию, мистику и др. [25].

Признание равнозначными с точки зрения их гносеологического потенциала всех видов познания и включение их в орбиту научной методологии послужило продолжением и расширением одной из ключевых линий в развитии западной науки XX и XXI вв. – это процесс интеграции различных научных дисциплин и создание плодотворных междисциплинарных синтезов как обратная сторона процессов дифференциации и специализации знания. В силу сложности объектов физического мира и социального пространства сегодня требуются разнообразные подходы к их изучению и объединение исследовательских усилий представителей разных наук (биохимия, геополитика и др.), а также разных видов познания (культурная антропология, религиозная психология и др.). Именно такие синтетические отрасли, одной из которых является религиозная психология (как христианская, так иудейская и исламская), вызывают сегодня бурные дискуссии и рост исследований на стыках этих областей знания, что свидетельствует о повышении их научной значимости и востребованности в современном обществе.

И последней тенденцией в современной западной философии науки, о которой уже косвенно говорилось выше, но следует еще раз сказать отдельно, является переход от интерналистской модели в понимании развития науки к экстерналистской. Это, в свою очередь, предполагает учет таких факторов развития науки, как детерминированность субъекта и объекта познания историческим, культурным, религиозным, психологическим и другими ранее признаваемыми субъективными (а значит затемняющими процесс познания) факторами. Эти факторы сегодня, с одной стороны, сами становятся объектом научного анализа, с другой стороны, являются частью познавательного инструментария, а с третьей – оказывают влияние на результат процесса познания, но не в негативном, а в позитивном ключе, расширяя и углубляя человеческое знание о самом себе и окружающем его мире.

Таким образом, изменения, происходящие внутри западной науки, подготовили почву для ее возвращения к исходной целостности, разумеется, на новом уровне. А также, в частности, к перспективе мультикультурных исследований в области социогуманитарных наук и к образованию новых междисциплинарных научных областей, таких как исламская психология. Психология как самостоятельная наука, обладающая собственной методологией, на сегодняшний день не только прошла этап становления, но и по ряду позиций, описанных в данном разделе, является одним из научных лидеров. Пред-

ставляя собой сложное единство фундаментального и прикладного уровней знания, а также соединение естественнонаучных основ (биологии, анатомии, физиологии и др.) и социогуманитарного проблемного поля, она выходит за пределы «know what» на уровень «know how», включая в себя техническое (рецептурное) знание о способах и методах решения психологических проблем человека.

Психология сегодня не только удовлетворяет современным критериям научности, но и активно внедряется во многие сферы общественной жизни, объясняя их закономерности и обогащаясь исследовательским материалом для дальнейшей экспансии. Психология бизнеса, юридическая психология, военная психология, этнопсихология, психология религии, психология науки, психология искусства, политическая психология, спортивная психология, психология виртуальной реальности – это лишь небольшая выдержка из огромного перечня тех видов деятельности человека и сфер его бытия, которые охватывает и на которые распространяется современная психология в сотрудничестве с другими науками социогуманитарного и естественнонаучного комплексов в соответствии с магистральными тенденциями развития современной науки. Исламская психология, соответствуя требованиям современного образа науки, ввиду определенных социальных причин, о которых речь пойдет в следующем разделе, оказывается в мейнстриме мультикультурных и постсекулярных тенденций.

Постсекуляризм на Западе и в России можно представить себе как результат диалектического «отрицания отрицания», когда наука и религия, будучи изначально едиными, распадаются на взаимоотрицающие полюса, а затем возвращаются к исходному единству на новом уровне. Для исламской психологии фазой отрицания стало столкновение и последующий синтез нового уровня с претендующей на универсальность западной психологией.

Социальные факторы лидерства исламской психологии

Процессы, происходящие внутри научного комплекса со всей его сложностью, многоуровневостью, дисциплинарной разветвленностью, сменой парадигм и современной институционализацией, можно рассматривать как изолированные лишь условно в конкретном исследовательском ключе. Но поскольку на рубеже XIX–XX вв. наука становится одним из основных факторов, непосредственно влияющих на жизнь общества и глобального человече-

ства, не имеет смысла изучать ее в отрыве от социального контекста, который в равной степени является двигателем тех тенденций, о которых говорилось в предыдущем разделе. Одна из тех наук, на которых в большей степени отразились социальные факторы, стала психология, что также подтверждает ее лидерский статус.

Психоаналитическая концепция З. Фрейда, включающая в себя тезис о репрессивной роли культуры для человеческой психики и психиатрических заболеваниях как следствиях развития цивилизации [26], до сегодняшнего дня находит идейных сторонников вплоть до того, что XXI век объявляется веком психологии – это в самых мягких оценках. Тогда как некоторые философы-постмодернисты прямо говорят о шизоидности современной культуры [27], последователи психоанализа, рассуждают о современных антропологических типах, выделяют среди них носителей тех или иных диагнозов или, как минимум, акцентуаций, таких как невротик, параноик, шизоид и т. п.¹

Некоторые из этих исследований будто бы предвещали, а другие уже явились осмыслением тех изменений в психике людей, которые произошли на рубеже XX–XXI вв. Два глобальных потрясения мировыми войнами за короткий промежуток времени к середине XX в. уже не просто поставили под сомнение доминанту рациональности, но и пошатнули незыблемость веры в науку, которая, как оказалось, может стать не спасением человечества, а его гибелью. Ужасы нацизма и концентрационных лагерей заставили заново переосмыслить, сопутствует ли моральный прогресс научному и технологическому. Начало XXI века нельзя назвать периодом стабильности. Несмотря на то, что мировые войны остались в прошлом веке, межгосударственные конфликты и противоречия продолжают тревожить мировое сообщество. Наряду с опасностью для жизни серьезных вирусных угроз, нестабильная мировая политическая ситуация оказывает сильное воздействие на психологическое состояние людей, многократно увеличивая потребность обращаться к профессиональной психологической помощи.

Ординарные процессы, менее заметные ввиду их плавного течения, психологизирующие реальность современного человека, – это цифровизация и виртуализация как следствие развития современной науки и широкого внедрения ее достижений в жизнь общества. Если традиционные СМИ служили основным средством воздействия на психику человека в XX веке

¹ См. напр.: Лакан Ж., Хорни К., Фромм Э. и др.

и во многом усугубляли описываемые здесь эффекты, то широкое распространение интернета и технических устройств, его поддерживающих, дало возможность создавать отдельную реальность, в которой современный человек живет больше, чем в физической реальности. На эту тему написано уже множество научных работ в различных областях социогуманитарного знания. Виртуальность сама по себе психологична, так как поддерживается и питается двумя источниками – техническим обеспечением и сознанием присутствующих в ней субъектов. Тот факт, что большинство наших современников и трудятся, и отдыхают, погружаясь в виртуальную среду, не может не оказывать влияние на трансформацию познавательных, коммуникативных, эмоционально-волевых и др. психологических качеств, характеристик и процессов. Поэтому сегодня как никогда актуальны практики психогигиены человека в труде и в быту.

Виртуализация культуры в целом – лишь очередной закономерный этап ее массовизации, о которой в начале XX в. говорил испанский философ Х. Ортега-и-Гассет [28]. Массовая культура, в противоположность элитарной, основана на тиражировании как культурных объектов, так и их восприятия субъектами, за счет чего достигается ее широкое распространение в обществе, независимо от его культурно-исторической и социологической специфики. Массовизации поддается также и такой элемент культуры, как знание. Если для элиты было характерно ценностное отношение к знанию, доступ к нему был ограничен и требовал прохождения определенных ступеней «инициации» или как минимум образованности на достаточно высоком уровне, то для массы, особенно в условиях виртуализации, происходит очень серьезная девальвация знаний. Психология является одной из тех областей знания, которая в наши дни подвергается сильной примитивизации в тех случаях, когда мы имеем дело с популярной ее версией, имеющей широкое хождение в социальных сетях и в целом в сети Интернет. С одной стороны, это тоже в своем роде свидетельство научного лидерства, востребованности обществом психологических знаний, однако необходимо иметь в виду, что большинство субъектов массовой культуры соприкасаются именно с популярной психологией, которая сохраняет с подлинной наукой лишь общие контуры.

Последний наиболее значимый социальный фактор научного лидерства психологии в целом и в особенности исламской психологии – это глобализация. В данном случае термин используется в самом широком, безоценоч-

ном его значении. О разнице между глобализмом как западной идеологией навязывания ценностей этой культуры и глобализацией как объективной тенденцией коэволюции науки и общества нет смысла говорить здесь именно потому, что и то, и другое в существенной мере повлияло на становление такой отрасли психологического знания, как исламская психология. Тенденции глобализации можно обнаружить еще в древности – в стремлении разных народов к торговым, политическим и культурным контактам, но, безусловно, научно-технический прогресс многократно ускорил эти процессы, а виртуализация практически стерла границы в пространстве современного мира. Но наиболее значимыми событиями для исламской психологии стали два исторических вектора глобализации, направленных в сторону друг друга. Первый из них – это колонизация арабо-мусульманских стран и распространение в них западной культуры, в том числе и научных достижений. И если для корпуса естественных и технических наук такой перенос был в целом продуктивен, то далеко не все социогуманитарные прививки вызывали положительные реакции. Безусловно, вестернизация сделала не чуждыми вышеописанные проблемы для мусульманских обществ, но именно западная психология стала одной из тех инъекций, которая стимулировала аутентичное осмысление ее проблемного поля и практик в среде арабо-мусульманских интеллектуалов.

Несмотря на то, что период расцвета классической арабо-мусульманской науки остался лишь на страницах истории и сменился затяжным периодом застоя и эклектики, идейное наследие классиков было сохранено. Поэтому, когда колониальные страны получили независимость и начался период массовой миграции арабо-мусульманского населения на Запад – в Европу, США и Канаду, со всей остротой встал вопрос межкультурной коммуникации и адаптации, который невозможно решить без достижения взаимопонимания между представителями принципиально разных культур, до этого развивавшихся более-менее изолированно. Западный и восточный менталитет, психология, склад мышления представителей этих типов культур в существенной мере отличаются друг от друга. Чтобы вернуться к своим корням – религиозной мусульманской интеллектуальной и духовной культуре, выходцам из арабских стран пришлось пропустить через свое сознание западные ценности. В частности, открывая для себя западную психологию, невозможно было избежать ее соотнесения с аутентичными ценностями религиозной культуры,

обращения к Корану и Сунне, а также наработкам классиков арабо-мусульманской мысли – аль-Бальхи, аль-Кинди, Ибн-Рушда, аль-Фараби и др.

Таким образом, западная психология, претендующая в качестве научного лидера на универсальность, была подвержена осмыслению арабо-мусульманской интеллектуальной элитой. В качестве примера можно привести интеллектуальный обмен, который происходил в Египте с конца XIX в., когда в стране стартовало изучение психологии по западному образцу и началась активная миграция населения в западные страны для получения высшего образования. Процессы заимствования, сравнения, осмысления и фильтрации дали свои плоды, и научные достижения не заставили себя ждать, что способствовало восстановлению традиции религиозной психологии на почве исламских ценностей. Количество научных центров и специалистов частных психиатрических практик, исследований, статей, монографий по психологии в арабских станах увеличивалось год от года. Среди них были совершенно новые концепции, имеющие большое значение как для восточной, так и для западной традиций, например, концепция исламизации (интеграции) знаний, предложенная Сеййидом Мухаммадом Накыбом аль-'Аттасом [29, с. 329]. Исламизация в данном случае предполагает «перевод» магистральных линий развития современной философии науки на концептуальный язык исламской доктрины, близкий и понятный огромному количеству мусульман, проживающих сегодня во многих странах мира – как на востоке, так и на западе. Конкретная поэтапная программа исламизации знаний разработана крупнейшим современным психологом суданского происхождения Маликом Бадри [30].

Силами этих и других современных исламских ученых психология стала одной из первых наук, которая успешно стартовала по пути исламизации. Идеи современных мусульманских ученых-психологов актуализируют интеллектуальные достижения классиков и применяют их с учетом уровня развития современной психологической науки, внося в нее свой вклад за счет опоры на религиозные представления о душе, духе, разуме, сердце и других коранических концептах. Эти идеи очень быстро включились в мейнстрим мультикультурализма как одной из сторон глобализации, делая исламскую психологию сверхсовременной отраслью научного знания, удовлетворяющего всем перечисленным внутринаучным критериям лидерства. На сегодняшний день эта отрасль находится в непрерывном диалоге с западной теорией и практикой, соизмеряя на соответствие исламским ценностям и религиозным

смыслам психологические концепции и подходы, такие как психоанализ, бихевиоризм, когнитивно-поведенческая терапия и др. Более того, постсекулярная парадигма позволяет увидеть истоки многих из этих подходов в трудах классиков средневековой арабо-мусульманской традиции. О лидерстве этой молодой отрасли говорят такие беспристрастные показатели, как рост числа специалистов – теоретиков и практиков, создание исламских психологических центров и ассоциаций на международном² и внутригосударственном³ уровнях, конференции на их базе, издание научных журналов⁴, открытие научных специальностей и обучение по программам, так или иначе связанным с исламской психологией и религией, и главное – включение интегрированных психологических знаний в практику мультикультурного консультирования на основе гуманистического, экзистенциального и др. подходов.

Представители же западной интеллектуальной элиты не только смогли восстановить через арабо-мусульманскую традицию связь времен и получить доступ к античному философскому наследию, но и обогатить психологию представлениями о национальном, культурном, этическом, религиозном своеобразии, и, соответственно, разработкой новых и переосмыслением уже имеющихся практик психологического консультирования.

Таким образом, проанализировав все три группы факторов – исторические, внутринаучные и социальные, оказавшие влияние на лидерский статус исламской психологии, довольно отчетливо можно отследить и обратное влияние развития таких современных отраслей знания на саму проблему научного лидерства. Если в Новое время лидерство понималось достаточно однозначно – как соответствие критериям, заданным физикой, то на сегодняшний день изменение критериев научности и социальный контекст развития науки вносят существенные коррективы в понятие «научное лидерство». Во-первых, научное лидерство сегодня подразумевает соответствие критериям научности не как определенному формату, в который нужно вписать свое научное исследование, а как тенденциям или же ориентирам, которым следует современный ученый в своем стремлении обнаружить истину, о чем шла речь во втором разделе настоящей статьи. Во-вторых, научное лидерство се-

² International Association of Islamic Psychology. International Association of Muslim Psychologists. International Association for the Psychology of Religion.

³ Например, Ассоциация психологической помощи мусульманам (Москва, Россия).

⁴ Например, российские журналы: «Minbar: Islamic studies» (Казань), «Ислам в современном мире» (Москва), «Ислам: личность и общество» (Москва).

годня подкрепляется общественной значимостью, актуальностью и востребованностью у широких масс, носителей различных социальных статусов, представителей разных культур и т. д. В-третьих, о лидерстве свидетельствует объективная наукометрическая статистика, когда мы можем видеть воочию, что та или иная научная область находится в фазе активного развития. В-четвертых, современному идеалу научности, в отличие от идеала Нового времени, не противоречит то, что статус лидирующих наук распространяется более чем на одну отрасль внутри той или иной науки или широкой группы естественных, социогуманитарных или технических наук. В этом смысле научное лидерство исламской психологии как одной из таких отраслей сомнений сегодня не вызывает.

Заключение

Подводя итоги данной работы, перечислим основные выводы:

1. Изучение истории науки имеет большое значение для понимания процессов, происходящих в ее современных отраслях, а также для внутреннего переструктурирования и расширения поля научных исследований. В частности, на примере психологии можно отследить, как, зарождаясь в лоне философии, психологическая проблематика в различные периоды развития западной интеллектуальной традиции то сливалась с религиозной проблематикой, то сужалась до исследования когнитивных функций психики, проходила стадию облечения в формат строгой науки по образцу естествознания, затем находилась в поисках содержательного и методологического своеобразия и, наконец, оформилась как самостоятельная наука. На примере истории развития арабо-мусульманской науки можно увидеть совершенно иную схему изначальной интеграции науки и религии и взаимосвязи психологических представлений и практик с религиозными, что оказывается намного ближе современному постсекулярному диалогу науки и религии.

2. Анализ внутринаучных факторов становления западной науки позволяет улавливать закономерности научного лидерства той или иной науки, потому как сама идея критериев научности зародилась на западной почве. Среди множества таких факторов для психологии на Западе решающее значение имело методологическое разграничение «наук о природе» и «наук о духе», переход к экстерналистской парадигме осмысления деятельности ученого и к современному представлению об удовлетворении критериям научности как

тенденциям, а также методологический плюрализм. Многие составляющие современного западного образа науки были изначально имплицитно присущи арабо-мусульманской научной традиции. Но изменения, произошедшие в современном западном облике науки, стали фундаментом для интеграции и продуктивного исследовательского диалога между наукой и религией, арабо-мусульманской и западной интеллектуальной традицией.

3. Диалектическое рассмотрение внутринаучных и социальных факторов научного лидерства позволяет раскрыть не только процесс становления исламской психологии, но и отследить ее внутреннюю эволюцию. Статус одного из лидеров современного научного знания позволяет ей, расширяя свое проблемное поле и арсенал практик, выполнять важные функции в сложном мультикультурном социальном пространстве, в том числе функцию медиации восточной и западной культур в контексте глобализации.

4. Рассмотрение всех трех аспектов: истории, внутринаучного и внешнего социального контекста развития исламской психологии – показывает, что свою подлинную универсальность психологическое знание приобретает когда оно не замыкается в некоей единой теоретико-методологической парадигме, как это было с западной наукой Нового времени, а становится максимально открытой для циркуляции идей и практик между разными видами наук – естественными, социогуманитарными, техническими, разными видами познания – повседневной практикой, искусством, религией, философией, а также обращается к опыту жизни, ее осознанию и переживанию носителями разных типов культур – западной и восточной. В этом отношении исламская психология становится маркерной отраслью современной психологической науки, развиваясь усилиями ученых как в арабо-мусульманских странах, так и на Западе, и в России.

5. Опыт становления исламской психологии, рассмотренный в единстве исторических, внутринаучных и социальных факторов, позволяет раскрыть значение этой отрасли для психологической науки. Это значение состоит в усилении ее лидерского статуса и наполнении новым содержанием, которое включает идеи интеграции знаний из различных областей познания, обращение к изучению духовности в ее широкой трактовке, выработку в этой связи новой мультикультурной постсекулярной методологии психологических исследований и практик, и в воплощении идеала единства науки и религии, телесного и духовного аспектов бытия человека. Феномен лидерства исламской

психологии позволяет переосмыслить саму проблему научного лидерства, его критериев, а также пролить свет на механизмы развития науки в целом и другие философские проблемы конкретных наук.

Литература

1. Лосев А.Ф. *Мифология. Философия. Культура*. М.: Изд-во политической литературы; 1991. 525 с.
2. Диоген Лаэртский. *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. М.: Мысль; 1979. 620 с.
3. Платон. *Федр*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/Academia/005-02.pdf> (дата обращения: 30.05.2022).
4. Платон. *Государство*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://classics.nsu.ru/bibliotheca/plato01/gos04.htm> (дата обращения: 30.05.2022).
5. Аристотель. *О душе*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ligis.ru/psylib/090417/books/arist01/index.htm> (дата обращения: 30.05.2022).
6. Эпикур. Главные мысли. *Антология мировой философии: Античность*. Мн.: Харвест; М.: «Изд-во АСТ»; 2001. С. 521–527.
7. Аврелий Августин. *О Троице*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-troitse/2_1 (дата обращения: 31.05.2022).
8. Абу Юсуф Якуб Ибн Исхак Аль-Кинди. Как избавиться от печали. *Ислам: Личность и общество*. 2020;(3):6–18.
9. *Пища для души Абу Зайда Аль-Балхи: когнитивно-поведенческая терапия врача девятого века*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://islampsiholog.ru/wp-content/uploads/2020/04/Пища-для-души-Абу-Зайда-ал-Балхи.-Когнитивно-поведенческая-терапия-врача-девятого-века.pdf> (дата обращения: 02.06.2022).
10. Абу Наср ибн Мухаммад Аль-Фараби. Трактат о взглядах жителей добродетельного града. *Философские трактаты*. Алма-Ата: Наука; 1972. С. 193–378.
11. Абу Наср ибн Мухаммад Аль-Фараби Указание пути к счастью. *Социально-этические трактаты*. Алма-Ата: Наука; 1973. С. 11–45.

12. Бэкон Ф. *Новый Органон*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/bekon_tom2_1978_text.pdf (дата обращения: 04.06.2022).
13. Декарт Р. *Рассуждение о методе* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kargopolov.spb.ru/assets/books/descartes> (дата обращения: 04.06.2022).
14. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения. *Постнеклассика: философия, наука, культура*. СПб: Издательский дом «Миръ»; 2009. С. 249–295.
15. Вернадский В.И. *Философские мысли натуралиста*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_russkaja/vernadskij_filosofskie_mysli_naturalista/15-1-0-859 (дата обращения: 04.06.2022).
16. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении. *Сочинения в 4 т.* Т. 2. М.: Мысль; 1983. 686 с.
17. Кант И. Критика чистого разума. *Сочинения в 6 т.* Т. 3. М.: Мысль; 1964. 799 с.
18. Фихте И.Г. *Наукоучение*. Минск: Харвест, М.: Изд-во АСТ; 2000. 784 с.
19. Конт О. *Дух позитивной философии*. Ростов н/Д: Феникс; 2003. 256 с.
20. Кохановский В.П., Золотухина Е.В., Лешкевич Т.Г., Фатхи Т.Б. *Философия для аспирантов*. Ростов-на-Дону: Феникс; 2003. 576 с.
21. Дильтей В. Введение в науки о духе: Опыт полагания основ для изучения общества и истории. *Собрание сочинений в 6 т.* Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги; 2000. С. 270–730.
22. Дильтей В. *Описательная психология*. СПб.: Алетейя; 1996. 160 с.
23. Бахтин М.М. *К методологии гуманитарных наук*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-metodologii-gumanitarnyh-nauk> (дата обращения: 06.06.2022).
24. Денисов С.Ф., Дмитриева Л.М. *Естественные и технические науки в мире культуры*. Омск: Изд-во ОмГТУ; 1997. 448 с.
25. Фейерабенд П. *Избранные труды по методологии науки*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/basis/4745> (дата обращения: 06.06.2022).
26. Фрейд З. *Недовольство культурой*. М.: Фолио; 2013. 222 с.

27. Делез Ж., Гваттари Ф. *Капитализм и шизофрения: Анти-Эдип*. Екатеринбург: У-Фактория; 2008. 672 с.

28. Ортега-и-Гассет Х. *Восстание масс*. М.: Изд-во АСТ; 2016. 256 с.

29. Аль-Аттас М.Н. *Введение в метафизику Ислама: изложение основополагающих элементов мусульманского мировоззрения*. Куала-Лумпур: Институт исламской цивилизации, Международный институт исламской мысли и цивилизации; 2001. 410 с.

30. Павлова О.С., Бариева Н.Ю., Баирова З.М. Исламская психология за рубежом: состояние и перспективы развития. *Minbar. Islamic Studies*. 2018;11(4):850–865.

References

1. Losev A.F. *Mifologiya. Filofofiya. Kul'tura* [Mythology. Philosophy. Culture]. Moscow: Politizdat Press; 1991. 525 p. (In Russian)

2. Diogenes Laertius. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov* [Lives of eminent Philosophers]. Moscow: Mysl' Press; 1979. 620 p. (In Russian)

3. Plato. *Fedr* [Fedr]. [Electronic source]. Available at: <https://www.plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/Academia/005-02.pdf> (Accessed: 30.05.2022). (In Russian)

4. Plato. *Gosudarstvo* [The Republic]. [Electronic source]. Available at: <https://classics.nsu.ru/bibliotheca/plato01/gos04.htm> (Accessed: 30.05.2022). (In Russian)

5. Aristotle. *O dushe* [On the Soul]. [Electronic source]. Available at: <http://ligis.ru/psylib/090417/books/arist01/index.htm> (Accessed: 30.05.2022). (In Russian)

6. Epikurus. *Glavnye mysli* [The main Thoughts]. *Antologiya mirovoy filosofii: Antichnost'* [Anthology of World Philosophy: Antiquity]. Minsk: Kharvest Press, Moscow: AST Press; 2001, pp. 521–527. (In Russian)

7. Augustine A. *O Troitse* [On the Trinity]. [Electronic source]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-troitse/2_1 (Accessed: 31.05.2022). (In Russian)

8. Abu Yusuf Ya'qub ibn Ishaq al-Sabbah al-Kindi. *Kak izbavit'sya ot pechali* [How to push away Sadness]. *Islam: Lichnost' i obschestvo* [Islam: personality and society]. 2020; (3):6–18. (In Russian)

9. *Pischa dlya dushi Abu Zaida Al'-Balkhi: kognitivno-povedencheskaya terapiya vracha devyatogo veka* [Abu Zayd al-Balkhi's Sustenance of the Soul: The Cognitive Behavior Therapy of a ninth century physician]. [Electronic source]. Available at: <http://islampsiholog.ru/wp-content/uploads/2020/04/Пища-для-души-Абу-Зайда-ал-Балхи.-Когнитивно-поведенческая-терапия-врача-девятого-века.pdf> (Accessed: 02.06.2022). (In Russian)

10. Abu Nasr ibn Muhammad al'-Farabi Traktat o vzglyadakh zhitelei dobrodetel'nogo grada [The Doctrine of the Virtuous city of Abu Nasr al-Farabi: A philosophical analysis]. *Filosofskie traktaty* [Philosophical Works]. Alma-Ata: Nauka Press; 1972, pp. 193–378. (In Russian)

11. Abu Nasr ibn Muhammad al'-Farabi Ukazanie puti k schast'yu [Pointing the Way to Happiness]. *Sotsial'no-eticheskie traktaty* [Socio-Ethical Works]. Alma-Ata: Nauka Press; 1973, pp. 11–45. (In Russian)

12. Bacon F. *Novyi Organon* [The Novum Organum]. [Electronic source]. Available at: https://imwerden.de/pdf/bekon_tom2_1978_text.pdf (Accessed: 04.06.2022). (In Russian)

13. Descartes R. *Rassuzhdenie o metode* [Discourse on the Method]. [Electronic source]. Available at: <https://kargopolov.spb.ru/assets/books/descartes> (Accessed: 04.06.2022). (In Russian)

14. Stepin V.S. Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya [Classics, Non-classics, Post-non-classics: criteria for distinction]. *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura* [Post-non-classics: Philosophy, Science, Culture]. St. Petersburg: Mir Publishing House; 2009, pp. 249–295. (In Russian)

15. Vernadskii V.I. *Filosofskie mysli naturalista* [Philosophical Thought of a Naturalist]. [Electronic source]. Available at: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_russkaja/vernadskij_filosofskie_mysli_naturalista/15-1-0-859 (Accessed: 04.06.2022). (In Russian)

16. Leibniz G.W. *Novye opyty o chelovecheskom razumenii* [New Essays on Human Understanding]. *Sochineniya v 6 t.* [Works in 6 volumes]. Vol. 2. Moscow: Mysl' Press; 1983. 686 p. (In Russian)

17. Kant I. *Kritika chistogo razuma*. [The Critique of Pure Reason]. *Sochineniya v 6 t.* [Works in 6 volumes]. Vol. 3. Moscow: Mysl' Press; 1964. 799 p. (In Russian)

18. Fichte J.G. *Naukouchenie* [Foundations of the Entire Science of Knowledge]. Minsk: Kharvest, Moscow: AST Press; 2000. 784 p. (In Russian)

19. Comte A. *Dukh pozitivnoy filosofii* [The Course in Positive Philosophy]. Rostov on Don: Feniks Press; 2003. 256 p. (In Russian)

20. Kokhanovskii V.P., Zolotukhina E.V., Fatkhi T.B. *Filosofiya dlya aspirantov* [Philosophy for graduate Students]. Rostov on Don: Feniks Press; 2003. 576 p. (In Russian)

21. Dilthey W. *Vvedenie v nauki o dukhe: Opyt polaganiya osnov dlya izucheniya obschestva i istorii* [Einleitung in die Geisteswissenschaften]. *Sobranie sochinenii v 6 t.* [Collected Works in 6 volumes]. Vol. 1. Moscow: Intellectual Book House; 2000, pp. 270–730. (In Russian)

22. Dilthey W. *Opisatel'naya psikhologiya* [Beschreibende Psychologie]. St. Petersburg: Aleteiya Press; 1996. 160 p. (In Russian)

23. Bakhtin M.M. *K metodologii gumanitarnykh nauk* [On the Methodology of Human Sciences]. [Electronic source]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-metodologii-gumanitarnykh-nauk> (Accessed: 06.06.2022). (In Russian)

24. Denisov S.F., Dmitrieva L.M. *Estestvennye i tekhnicheskie nauki v mire kul'tury* [The Natural and Technical Sciences in the World of Culture]. Omsk: Publishing House of Omsk State Technical University; 1997. 448 p. (In Russian).

25. Feyerabend P. *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [On the Interpretation of Scientific Theories]. [Electronic source]. Available at: <https://gtmarket.ru/library/basis/4745> (Accessed: 06.06.2022). (In Russian)

26. Freud S. *Nedovol'stvo kul'turoy* [Civilization and Its Discontents]. Moscow: Folio Press; 2013. 222 p. (In Russian)

27. Deleuze G., Guattari F. *Kapitalizm i shizofreniya: Anti-Edip* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. Yekaterinburg: U-Faktoriya Press; 2008. 672 p. (In Russian)

28. Ortega y Gasset J. *Vosstanie mass* [The Revolt of the Masses]. Moscow: AST Press; 2016. 256 p. (In Russian)

29. Al-'Attas M.N. *Vvedenie v metafiziku Islama: izlozhenie osnovopolagayuschikh elementov musul'manskogo mirovozzreniya* [Prolegomena to the Metaphysics of Islam: An Exposition of the Fundamental Elements of Worldview of Islam]. Kuala Lumpur: Institute of Islamic Civilization, International Institute of Islamic Thought and Civilization; 2001. 410 p. (In Russian)

30. Pavlova O.S., Barieva N.Yu., Bairova Z.M. *Islamskaya psikhologiya za rubezhom: sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Islamic psychology abroad: the state and development prospects]. *Minbar. Islamic Studies.* 2018;11(4):850–865. (In Russian)

Информация об авторе

Джуад Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, г. Москва, Российская Федерация.

About the author

Iuliia Iu. Dzhuad, Cand. Sci. (Philosophy), Associate professor at the Department of Philosophy and Social Sciences, Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University, Moscow, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 20 июня 2022
Одобрена рецензентами: 15 июля 2022
Принята к публикации: 09 ноября 2022

Article info

Received: June 20, 2022
Reviewed: July 15, 2022
Accepted: November 09, 2022